

Поѣздка графа Н. П. Игнатъева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.¹⁾

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова).

Въ день моего пріѣзда въ Парижъ я встрѣтилъ маркизу Салисбюри, которая сошла въ бытность нашу въ Константинополь съ моей женой и очень сочувствовала моимъ взглядамъ. Она осталась въ Парижѣ на сутки, чтобы провести это время съ нами, и съ первыхъ же словъ стала упрекать насъ, что мы не пріѣхали въ Гатфильдъ, какъ обѣщали, если будемъ во Франціи. Мы обѣдали съ нею въ ресторанѣ вмѣстѣ съ Деказомъ, Шадорди и Гаркуромъ и провели вмѣстѣ весь вечеръ. Миѣ удалось подробно познакомить маркизу съ положеніемъ дѣлъ, и я просилъ ея супруга всѣ нужныя разъясненія. Въ Парижѣ я бесѣдовалъ также нѣсколько разъ съ англійскимъ посланникомъ, которому подробно изложилъ точку зрѣнія моего правительства, и миѣ видимо удалось убѣдить лорда Лайонса въ томъ, что не слѣдовало необдуманно портить дѣла, начатаго конференціей, и терять единственный возможный случай предотвратить русско-турецкую войну. „Разъясните лорду Биконсфильду и лорду Дерби, говорилъ я, что они одни будутъ отвѣтственны за неудачу нашихъ попытокъ сохранить миръ и за паденіе Турціи, которое можетъ быть ближайшимъ послѣдствіемъ этого“!

И лордъ Лайонсъ и маркиза Салисбюри горячо упрекали насъ за то, что мы не хотѣли ѣхать въ Лондонъ, и увѣряли, что моя поѣздка не могла создать маркизу никакихъ затрудне-

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1914 г.

ній, что въ Англіи будутъ очень рады меня видѣть и что мое присутствіе даже облегчитъ принятіе протокола. Маркиза Салисбюри напомнила мнѣ, что она и ея мужъ приглашали насъ пріѣхать по окончаніи конференціи въ Гатфильдъ и настаивали на томъ, чтобы ея друзья посѣтили ее въ Англіи передъ отъѣздомъ въ Россію. Положеніе мое было щекотливое; я не хотѣлъ повредить своему коллегѣ въ Англіи, признавъ, что затрудненія были созданы имъ и что онъ даже воспользовался именемъ маркиза Салисбюри, чтобы дать понять, что возникшія препятствія не были его личнымъ дѣломъ¹⁾. Я ограничился поэтому замѣчаніемъ, что, коль скоро явилась мысль, что моя поѣздка въ Лондонъ представляетъ неудобства съ политической точки зрѣнія, личное достоинство и патриотизмъ не позволяютъ мнѣ ѣхать въ Лондонъ безъ формальнаго приглашенія со стороны министерства, если только маркизъ Салисбюри не подтвердитъ мнѣ приглашеніе посѣтить Гатфильдъ, сдѣланное имъ еще въ Константинополѣ. Иначе, несмотря на удовольствіе, съ какимъ я воспользовался бы любезнымъ приглашеніемъ маркизы, я не видѣлъ возможности измѣнить своего маршрута и рассчитывалъ дней черезъ шесть уѣхать въ Вѣну. Маркиза на другой же день уѣхала въ Лондонъ. Хотя путешествіе въ Англію казалось мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ необходимымъ и всѣми одобрялось, но, повинувшись приказанію императора, я рѣшилъ отказаться отъ этой поѣздки, хотя чувствовалъ, что это будетъ фальшивой нотой, которая нарушитъ гармонію возложенной на меня миссіи. Я даже воздерживался передавать канцлеру свѣдѣнія и указанія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, изъ Берлина, изъ Парижа и даже изъ Лондона, которыя показывали, до какой степени все, что утверждалъ гр. Шуваловъ, мало вязалось съ дѣйствительностью. Я не хотѣлъ даже для вида стать на почву личнаго соперничества и интригъ, столь не согласныхъ съ патриотической и самоотверженной цѣлью, для которой я работалъ и отъ которой никогда не отступалъ.

Затѣмъ я послалъ гр. Шувалову слѣдующую телеграмму: „Имѣете ли вы что-нибудь сказать мнѣ, я уѣзжаю въ четвергъ“. Это была послѣдняя попытка обратиться къ добросовѣстности

¹⁾ Во время нашего разговора маркиза ясно намекнула на то, что всѣ эти затрудненія выдуманы Шуваловымъ единственно съ цѣлью не допустить меня въ Лондонъ; она самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицала возможность того, что присутствіе бывшего коллеги ея мужа по Константинопольской конференціи могло бы его стѣснить.

Прим. авт.

нашего посла въ Лондонѣ съ цѣлью дать ему возможность измѣнить его отношеніе ко мнѣ, дать понять ему, что въ противномъ случаѣ я уѣду въ Вѣну и не приму на себя отвѣтственности за послѣдствія.

Вещи мои уже были уложены, и я уже извѣстилъ австрійскаго посланника о томъ, что я уѣзжаю черезъ донь, 2 марта, утромъ, какъ вдругъ я получилъ отъ маркиза Салисбюри письмо слѣдующаго содержанія: „Любезный генералъ, надѣюсь, что еще до прочтенія этихъ строкъ ¹⁾, вамъ будетъ извѣстно, что дѣла идутъ здѣсь хорошо и что согласіе нарушено не будетъ. Увѣряю васъ, что я неохотно телеграфировалъ вамъ, совѣтуя поременить въ Парижѣ ²⁾, такъ какъ я очень желалъ побесѣдовать съ вами обо всемъ.

„Но общественное мнѣніе здѣсь—нашъ владыка; приходится считаться даже съ его слабостями, въ особенности въ такую критическую минуту. Оно имѣетъ иногда слабость воображать, что ему стараются навязать опредѣленную политику, и пріѣздъ человека столь извѣстнаго какъ вы со спеціальной миссіей (*до того какъ здѣсь было принято какое-либо рѣшеніе*) могъ озлобить общество и раздражить его щепетильность на этотъ счетъ. Въ настоящее время кризисъ, надѣюсь, миновалъ. Не знаю, имѣете ли вы еще время ³⁾, но если бы вы могли подарить намъ нѣсколько дней и пріѣхать въ Гатфильдъ съ вашей супругой, если она согласна сопровождать васъ, вы доставили бы намъ этимъ величайшее удовольствіе. Не думайте, что я сколько-нибудь измѣнилъ свое мнѣніе въ отношеніи главнаго вопроса или что я отношусь менѣе горячо къ участи христіанъ и къ европейскому согласію; въ особенности будьте увѣрены въ моей совершенной преданности. Салисбюри“.

На другой день, 3/15 марта, какъ бы для того, чтобы разсѣять всякое сомнѣніе съ моей стороны и доказать мнѣ, что англійскій кабинетъ отрѣшился отъ предубѣжденія, которое было внушено ему, и желалъ видѣть меня въ Лондонѣ, маркизъ Салисбюри телеграфировалъ мнѣ слѣдующее:

¹⁾ Эти строки были написаны наканунѣ засѣданія кабинета, на которомъ принципиально рѣшено принять протоколъ.

²⁾ Въ отвѣтъ на настоятельное приглашеніе маркизы, я сказалъ ей, что я окончательно рѣшилъ отказаться отъ поѣздки въ Лондонъ потому, что мнѣ телеграфировали, будто Салисбюри самъ измѣнилъ свой взглядъ и предпочиталъ, чтобы я остался въ Парижѣ. *Прим. авт.*

³⁾ Я говорилъ маркизѣ, что я не могу отложить поѣздку въ Вѣну далѣе какъ до четверга 3/15 марта. *Прим. авт.*

„Генералу Игнатьеву, отель du Rhin, Парижъ. Графъ и графиня Дерби просятъ генерала и г-жу Игнатьеву отобѣдать у въ Foreign-office (министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), въ субботу вечеромъ. Уѣхать въ Гатфильдъ, если пожелаете, можно будетъ въ тотъ же день, въ двѣнадцать часовъ ночи“.

И такъ, въ Англіи все было готово къ моему приѣзду и все-таки я не счелъ себя въ правѣ принять приглашеніе, не сообщивъ о томъ телеграммою въ Петербургъ и не получивъ приказаній Императора. Отвѣтъ не замедлилъ: я получилъ черезъ князя Горчакова позволеніе Его Величества принять приглашеніе Салисбюри. Очень странно во всемъ этомъ дѣлѣ, то, что графъ Шуваловъ, дружескія отношенія котораго къ графу и графинѣ Дерби не составляли ни для кого тайны, видимо не подозрѣвалъ происшедшей перемѣны и даже отрицалъ самый фактъ полученнаго мною приглашенія, изображая такимъ образомъ въ своихъ донесеніяхъ канцлеру мою поѣздку въ Англію въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Какъ только я отвѣтилъ Салисбюри, что я принимаю съ удовольствіемъ его приглашеніе и приглашеніе графа и графини Дерби, въ тотъ же день (8/15 марта, вечеромъ) я получилъ отъ лорда Лайонса записку, написанную какъ будто съ цѣлью не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно характера моей поѣздки въ Англію; онъ спрашивалъ меня, когда и какимъ путемъ я предполагаю ѣхать въ Лондонъ; оказывается, посланникъ получилъ объ этомъ вопросъ по телеграфу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ просьбою отвѣтить телеграммой, дабы таможня и желѣзнодорожное общество могли быть предупреждены своевременно.

„Любезный генералъ, будьте добры увѣдомить меня, по какой желѣзной дорогѣ вы поѣдете изъ Дувра въ Лондонъ. Изъ предлагаемой при семъ телеграммы вы увидите, почему я объ этомъ спрашиваю. Они хотятъ знать, съ какой станціи вы приѣдете, чтобы предупредить таможню. Конечная станція юго-восточной дороги—Charing Cross, а Лондонъ—Чатамской и Дуврской—Victoria station.

Пожелавъ вамъ всего наилучшаго, остаюсь вашъ искренній другъ и старый коллега Лайонсъ“.

Чтобы не откладывать слишкомъ надолго поѣздку въ Вѣну, гдѣ меня уже ожидали, и не задѣть щепетильности императора Франца Іосифа, я поспѣшилъ отвѣтить лорду Лайонсу и выѣхалъ въ Лондонъ на Кале и Дувръ нѣсколько часовъ спустя, послѣ полученія мною разрѣшенія отъ Императора и моего отвѣта Салисбюри съ увѣдомленіемъ о моемъ приѣздѣ.

Въ Англіи мнѣ былъ оказанъ самый дружественный пріемъ, не оставившій желать ничего лучшаго. Въ Дуврѣ, въ мое распоряженіе былъ предоставленъ спеціальный вагонъ, и вопреки опасеніямъ, выраженнымъ русскимъ посланникомъ, на станціи какъ въ Дуврѣ, такъ и въ Лондонѣ публика привѣтствовала меня весьма почтительно. Пріѣхавъ въ Лондонъ въ пятницу 4/16 марта, мы съ женою отобѣдали у гр. Шувалова, у котораго встрѣтили маркизу Салисбюри, ея дочь и нѣсколько посланниковъ. На другой день я былъ вмѣстѣ съ гр. Шуваловымъ съ визитомъ у гр. Дерби, у лорда Биконсфильда и у чиновъ дипломатическаго корпуса, былъ на обѣдѣ и на раутѣ у гр. Дерби, гдѣ познакомился съ самыми видными представителями правительства и англійскаго общества. Съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Лондона въ полночь, мы отправились въ замокъ Салисбюри, Гатфильдъ, гдѣ четыре дня пользовались самымъ широкимъ и дружескимъ его гостепрѣимствомъ. Хозяева дома сдѣлали все возможное, чтобы пребываніе у нихъ было для меня пріятно и интересно; приглашая по очереди самыхъ разнообразныхъ лицъ, они доставили мнѣ случай бесѣдовать съ людьми, которые могли интересоваться мною и принадлежали не только къ правительственной партіи, но и къ оппозиціи, каковы Гардингтонъ, Форстеръ, Гошенъ.

Уѣхавъ изъ Гатфильда въ слѣдующій четвергъ, я остановился на два дня въ Claridge-Hotel, и отобѣдавъ у лорда Биконсфильда и повидавшись съ лордомъ Дерби и съ видными представителями обѣихъ партій, уѣхалъ въ пятницу вечеромъ изъ Лондона съ намѣреніемъ провести сутки въ Парижѣ и оттуда немедленно выѣхать въ Вѣну.

Мои отношенія къ гр. Шувалову во время моего пребыванія въ Англіи не предвѣщали успѣшнаго окончанія того дипломатическаго дѣла, которое мы должны были провести вмѣстѣ, и не могли облегчить моего положенія. Напротивъ, поведеніе русскаго посла въ Лондонѣ отличалось крайней недоброжелательностью по отношенію ко мнѣ, его бывшему коллегѣ. Такъ, въ самый день моего пріѣзда, задержавъ меня у себя послѣ обѣда часа на два, онъ даже не предупредилъ меня о томъ, что онъ собрался въ ту же ночь послать князю Горчакову курьера (вмѣсто того чтобы задержать его дня на два и предоставить въ мое распоряженіе) съ отчетомъ о своихъ переговорахъ съ Дерби; онъ не потрудился даже познакомить меня съ содержаніемъ своихъ донесеній и писемъ, такъ что я узналъ объ отъѣздѣ курьера на другой день случайно отъ се-

кретаря посольства, и мнѣ такъ и не пришлось познакомиться съ содержаніемъ депешъ, касавшихся по большей части меня лично ¹⁾).

Боясь вызвать какія-нибудь недоразумѣнія и не зная сущности переговоровъ, которые велись гр. Шуваловымъ съ большою развязностью на моихъ глазахъ, и отъ которыхъ онъ старался устранить меня, такъ какъ я не хотѣлъ содѣйствовать принятію англійскихъ предложсній, я рѣшилъ не навязываться, и рѣшительно ничего не писалъ и не телеграфировалъ канцлеру изъ Лондона, полагая, что въ Петербургѣ поймутъ причину этого.

Тѣмъ временемъ, князь Горчаковъ сообщилъ мнѣ, черезъ посредство русскаго посланника въ Парижѣ, нижеслѣдующую инструкцію, данную имъ Шувалову. „Сообщите Игнатьеву. Я телеграфирую Шувалову: Принятіе какого-нибудь протокола въ принципѣ не удовлетворитъ насъ. Намъ нужны главнымъ образомъ гарантія въ томъ, что будутъ приняты главные пункты, положенные въ основу нашего протокола. Измѣненія, сдѣланныя Дерби, очень существенны. Мы можемъ высказаться не иначе, какъ имѣя передъ глазами текстъ его проекта. Если онъ заупрямится, вы пришлете его намъ, принявъ его *ad referendum*“.

Въ то время какъ канцлеръ старался еще, по возможности, отстоять текстъ, сообщенный нами берлинскому и прочимъ кабинетамъ, гр. Шуваловъ уже пожертвовалъ имъ и выработалъ съ лордомъ Дерби совсѣмъ иной проектъ, который онъ взялся представить по телеграфу на одобреніе канцлера. Когда Шуваловъ сообщилъ мнѣ этотъ проектъ, я понялъ, что измѣненія въ нашемъ первоначальномъ текстѣ были сдѣланы подъ вліяніемъ проекта, показаннаго мнѣ герцогомъ Деказомъ, который я находилъ неубѣдительнымъ и безцвѣтнымъ.

Французскій министръ естественно хотѣлъ смягчить предложенный нами протоколъ съ той цѣлью, чтобы онъ могъ быть скорѣе принятъ англичанами. Я былъ въ высшей степени удивленъ, увидавъ эту новую редакцію проекта, и до известной

¹⁾ Въ этомъ отношеніи мы находились не въ равныхъ условіяхъ, и канцлеръ не старался уравнивать обонхъ пословъ, такъ какъ я не видѣлъ переписки гр. Шувалова, тогда какъ гр. Шувалову посылались копии всѣхъ телеграммъ и писемъ, посланныхъ мною съ дороги князю Горчакову, и онъ комментировалъ ихъ самымъ недоброжелательнымъ образомъ, въ то время какъ я не имѣлъ возможности представить ни своихъ возраженій, ни объясненій.

Прим. авт.

степени обиженъ тѣмъ, что меня такъ безцеремонно устранили отъ переговоровъ, несмотря на инструкціи князя Горчакова, который то и дѣло повторялъ русскому послу въ Лондонѣ, что онъ долженъ былъ посоветоваться предварительно со своимъ константинопольскимъ коллегой. Къ великому неудовольствію Шувалова, я не только не присоединился къ его мнѣнію, но высказалъ ему откровенно, что новый проектъ значительно разнится отъ того, который былъ редактированъ въ Петербургѣ и сообщенъ Бисмарку, Деказу и Чіальдини. Въ новой редакціи было упущено все то, что связывало протоколъ съ конференціей; державы предлагали теперь Портъ только свои дружескія услуги для заключенія мира, не желая навязывать ей никакого окончательнаго рѣшенія; перечисленіе въ нашемъ проектѣ обѣщанныхъ турками реформъ, сдѣланное съ той цѣлью, чтобы онѣ могли быть торжественно приняты къ свѣдѣнію, было ослаблено и искажено упоминаніемъ о предстоящихъ конституціонныхъ реформахъ. Однимъ словомъ, мнѣ казалось невѣроятно, чтобы проектъ Дерби—Шувалова могъ быть принятъ императорскимъ кабинетомъ. Графъ Дерби не хотѣлъ даже принять официально къ свѣдѣнію, какъ я настаивалъ, заявленій турецкаго посланника въ Лондонѣ относительно предполагаемыхъ проектовъ реорганизаціи турецкаго управленія, считая ихъ не болѣе какъ „конфиденціальными сообщеніями великаго визиря великобританскому правительству“ и признавая только официальную циркулярную ноту Савфеть-паши ¹⁾, редактированную *ad usum delphini* адвокатомъ Порты, г. Тариномъ. Такимъ образомъ, какъ я говорю въ своемъ нисъмѣ къ канцлеру изъ Вѣны, отъ 13/25 марта, въ торжественномъ актѣ, коимъ должна была завершиться дипломатическая кампанія европейскихъ державъ, обѣщанія, данныя Турціей на конференціи и тогда же неодобренныя Европой въ лицѣ ея уполномоченныхъ, которые признали ихъ призрачными и недостаточными, были еще болѣе уменьшены. „Подъ впечатлѣніемъ единодушныхъ и настоятельныхъ требованій представителей державъ, турецкіе уполномоченные заявили тогда, что

¹⁾ Савфеть-паша турецкій политическій дѣятель (1815—1883). Въ декабрѣ 1873 года былъ представителемъ Турціи въ константинопольской конференціи, въ іюль 1877 года вышелъ въ отставку вслѣдствіе разногласій съ великимъ визиремъ Эдхемомъ-пашей по вопросу о мирѣ съ Россіей. Въ началѣ 1878 г. назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, велъ переговоры съ русскими уполномоченными и подписалъ Санъ-Стефанскій договоръ. П. В.

они на все согласны въ принципъ, за исключеніемъ учрежденія контрольной комиссіи и назначенія вали съ согласія державъ“. Въ томъ же письмѣ я обращалъ вниманіе канцлера на то, что въ редакціи, выработанной Дерби и Шуваловымъ, было „три совершенно неприемлемыхъ параграфа: въ первомъ говорилось о правилахъ для жандармеріи, переданныхъ г. Пакеру (англійскому офицеру, состоящему на турецкой службѣ, весьма враждебно настроенному въ Россіи) для его ознакомленія; во второмъ о раздѣленіи коммунъ на кантоны (что представляетъ бессмыслицу, такъ какъ кантоны больше коммунъ), наконецъ, въ третьемъ идетъ рѣчь о мѣрахъ, изданныхъ съ соизволенія и съ одобренія нашего августѣйшаго монарха, при чемъ подъ этимъ подразумѣвается султанъ“.

Гр. Шуваловъ призналъ эти замѣчанія основательными и согласился, при свиданіи съ гр. Дерби на другой день (въ субботу) въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ потребовать, чтобы изъ измѣненнаго имъ проекта протокола было исключено все, относящееся до турецкой конституціи, а равно и вышеупомянутые три удивительные параграфа предложивъ замѣнить перечисленіе реформъ обѣщанныхъ Турціей, что придавало обязательствамъ Порты болѣе ограничительный смыслъ, одной общей, туманной фразой.

„Я старался такимъ образомъ, какъ я и говорю въ вышеупомянутомъ письмѣ, „спасти“ насколько возможно значеніе „протокола, который постепенно былъ обезцѣненъ и оказался „гораздо ниже краткаго заключенія, представленнаго конференціи „представителями державъ, какъ ихъ послѣднее слово. Впрочемъ, мнѣ не было надобности входить съ гр. Дерби въ обсужденіе этого вопроса по существу, ибо, какъ замѣтилъ мой „коллега ¹⁾ „его рѣшеніе зависѣло всецѣло отъ вашего сѣятельства, и намъ надобно было только ожидать вашего отвѣта на „сообщенія графа Шувалова, посланныя въ Петербургъ“.

И дѣйствительно, не желая показать, что я не одобряю дѣйствій моего коллеги и что политика Императорскаго кабинета двойственна, я ограничился при свиданіи съ Дерби, на другой день, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, указаніемъ лишь на редакціонные промахи, особенно рѣзко бросавшіеся въ глаза, сдѣлавъ это какъ бы отъ себя лично, и настаивалъ только на безусловной необходимости замѣнить перечисленіе обѣщанныхъ

¹⁾ Какъ только онъ увидѣлъ, что я настаиваю на своихъ взглядахъ и не прихожу въ восторгъ отъ того, что было сдѣлано въ Лондонѣ.

Прим. авт.

турками жалкихъ реформъ общей фразой, въ духѣ постановленій конференціи и доказывалъ, что выраженія, употребленныя турками, могли породить въ будущемъ одни недоразумѣнія. Лордъ Дерби согласился на это, впрочемъ не безъ колебаній. Его манера вести переговоры чрезвычайно не правилась мнѣ. Англійскій министръ плохо зналъ французскій языкъ, не былъ въ курсѣ Восточныхъ дѣлъ и, будучи слабохарактеренъ, нерѣшителенъ и робокъ, заставлялъ переводить по-англійски всякую фразу, которую ему предлагали, и исправлялъ ее согласно съ замѣчаніями, сдѣланными его бюро, которымъ онъ сообщалъ всѣ дѣлаемые ему предложенія, а они возвращали ихъ съ замѣчаніями и иной разъ съ приложеніемъ документовъ, взятыхъ изъ дѣлъ. Измѣняя такимъ образомъ англійскую редакцію до тѣхъ поръ, пока она не соответствовала предвзятымъ мнѣніямъ бюро министерства иностранныхъ дѣлъ по Восточному вопросу, гр. Дерби говорилъ добродушно, что то или другое мѣсто очень хорошо именно такъ и что остается только перевести его дословно на французскій языкъ...

Выведенный изъ терпѣнія этимъ наборомъ неудобоваримыхъ французскихъ фразъ, я не выдержалъ и сказалъ, что это *„не по-французски, это какая-то тарабарщина“* и предупредилъ своего коллегу, что я никогда не подпишу актъ „сфабрикованный такимъ образомъ“. „Между тѣмъ настроеніе англійскаго „министра иностранныхъ дѣлъ было довольно благопріятно „для насъ и, говорилось въ моемъ письмѣ отъ 18/25 марта, „была даже надежда что его удастся убѣдить мало-по-малу „подписать, хотя измѣненный, но болѣе приличный протоколъ, „какъ вдругъ наши переговоры наткнулись на подводный камень, коимъ оказалась демобилизація нашей арміи ¹⁾. У лорда „Дерби сложился повидимому съ самаго начала переговоровъ съ нашимъ посланникомъ ошибочный взглядъ, будто мы „ставимъ демобилизацію въ зависимость отъ подписанія протокола ²⁾, коимъ закончились бы возникшія осложненія“.

¹⁾ Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ былъ поднятъ необдуманно и долго обсуждался гр. Шуваловымъ и лордомъ Дерби. Русскій посолъ въ Лондонѣ повидимому хотѣлъ, чтобы и я принялъ на себя долю ответственности за это, и рассчитывалъ, застигнувъ меня врасплохъ, не встрѣтить съ моей стороны слишкомъ большого противодѣйствія къ тому, чтобы дать таковыя обѣщанія англійскому кабинету; поэтому во время нашего свиданія онъ самъ повелъ разговоръ о разоруженіи.

²⁾ Маркизь Салисбюри прямо сказалъ это во время нашей бесѣды въ Гатфиздѣ, удивленный повидимому тѣмъ, что я не раздѣлялъ взгляда, который онъ считалъ взглядомъ петербургскаго кабинета. *Прим. авт.*

Между тѣмъ я считалъ весьма важнымъ „избѣжать всякихъ „недоразумѣній по этому поводу и предупредить обвиненія, подобныя тѣмъ, какія были выставлены противъ насъ Англiей послѣ взятія Хивы“¹⁾. Поэтому обсудивъ вопросъ довольно поверхностно въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ присутствіи моего коллеги, я воспользовался въ тотъ же день случаемъ на обѣдѣ и на вечерѣ у Дерби и повѣдкой съ нимъ въ вагонѣ въ Виндзоръ во вторникъ 8 числа, чтобы коснуться откровенно этого вопроса и постараться разсвѣять заблужденіе, будто протоколъ обязываетъ насъ „покончить съ Восточнымъ вопросомъ“²⁾.

„Для насъ, сказалъ я, онъ будетъ оконченъ лишь съ дѣйствительнымъ улучшеніемъ участи христіанъ. Но весьма мало вѣроятія, чтобы онъ существенно измѣнился съ подписаніемъ „протокола, который является для насъ не болѣе какъ логическимъ исходомъ конференціи, коль скоро не хотятъ прибѣгнуть къ немедленному коллективному выступленію. Я обрисовалъ лорду Дерби истинное положеніе дѣлъ въ Константинополѣ: отсутствіе настоящихъ государственныхъ людей, слабость центральнаго правительства и невозможность рассчитывать при подобныхъ условіяхъ на серьезныя реформы. Кромѣ того, такъ какъ наша армія представляла могучую охрану христіанъ, то ее нельзя было отозвать съ границы до тѣхъ поръ, пока орды башибузуковъ будутъ вооружены, угрожая жизни и имуществу этихъ несчастныхъ народовъ. Одна надежда на нашу демобилизацію, если бы мы согласились на нее въ Лондонѣ, сильно увеличила бы хвастливость турокъ и повергла бы въ отчаяніе христіанъ, положеніе которыхъ сдѣлалось бы еще болѣе небезопаснымъ“³⁾. Англiя“, говорилъ я лорду Дерби, „имѣетъ

¹⁾ Англичане утверждаютъ, будто Шуваловъ обѣщалъ въ свое время что наши войска не вступятъ въ Хиву. Между тѣмъ онъ былъ уполномоченъ объявить одно — что мы не помышляемъ о завоеваніи города Хивы.

²⁾ Подобный взглядъ могъ возникнуть только въ умѣ людей, не имѣющихъ никакого понятія о дѣлахъ Востока вообще и судящихъ очень поверхностно объ историческихъ событіяхъ и объ интересахъ отдѣльных народовъ. Къ несчастью, гр. Шуваловъ также смотрѣлъ на Восточный вопросъ какъ на предметъ роскоши, очень скучный для тѣхъ которые имъ не увлекаются и который могъ бы не тревожить болѣе европейскія державы, если бы такіе страстные „поборники славянства“, какъ я, перестали имъ заниматься. Онъ не скрывалъ своего взгляда отъ англичанъ.

Прим. авт.

³⁾ Событія доказали, что я былъ правъ, такъ какъ Муссурусъ-паша успѣшилъ сообщить изъ Лондона, что Англiя хочетъ добиться отъ

„только два средства произвести на турокъ давленіе съ цѣлью
 „добиться, чтобы турки дѣйствительно приступили къ осущест-
 „вленію реформъ, и обезпечить безопасность христіанъ. Эти
 „средства суть: англійскій флотъ, къ содѣйствию котораго импе-
 „раторское правительство, съ полнымъ безкорыстіемъ, предла-
 „гало прибѣгнуть еще осенью, во время миссіи гр. Сумарокова-
 „Эльстона въ Вѣну. И русская армія, сосредоточенная на турец-
 „кой границѣ. Эта армія представляетъ значительный капи-
 „талъ, проценты съ коего Россія имѣетъ право требовать. Я
 „спросилъ, наконецъ, своего собесѣдника, какими гарантіями
 „онъ расчитываетъ замѣнить русскія войска, если бы они,
 „какъ ему хотѣлось, возвратились къ своимъ очагамъ; и заявилъ,
 „что, не касаясь вопроса о нашемъ достоинствѣ, которымъ мы
 „не можемъ поступиться, нелогично было бы измѣнить роли
 „и потребовать гарантій отъ насъ прежде, нежели отъ Турціи.
 „Кромѣ того, такъ какъ миръ съ Черногоріей еще не подпи-
 „санъ, то намъ приходится по неволѣ стоять подъ ружьемъ,
 „соотвѣтственно съ деклараціей, сдѣланной на конференціи съ
 „согласія маркиза Салисбюри. Мы не могли приступить къ
 „демобилизаціи, не имѣя достаточнаго повода для столь важ-
 „наго шага, который вѣдѣмъ уже не могъ бы быть измѣненъ.
 „Наконецъ, что касается общественнаго мнѣнія и требованій
 „парламентарнаго строя, на которыя всегда ссылаются въ Англій,
 „желая доказать намъ крайнюю необходимость для англійскаго
 „кабинета одержать дипломатическій успѣхъ, хотя бы на нашъ
 „счетъ, то и у насъ, въ Россіи, надобно считаться съ обще-
 „ственнымъ мнѣніемъ, которое въ данный моментъ очень воз-
 „буждено и хотя высказывается не такъ шумно, но требуетъ,
 „чтобы съ нимъ считались. Въ Россіи никогда не поймутъ,
 „чтобы войска могли быть распущены въ силу обязательства, при-
 „нятаго по отношенію къ иностранной державѣ, и увидятъ въ
 „этомъ вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла. Наконецъ, я
 „высказалъ графу Дерби надежду, что онъ найдетъ удовлетво-
 „рительными тѣ искреннія и исчерпывающія объясненія, кото-
 „рыя я ему далъ съ цѣлью установить между нами полнос-
 „согласіе, безъ всякихъ недоразумѣній и безъ той подозри-

Россіи демобилизаціи ея арміи и находить справедливымъ сохранить въ этомъ дѣлѣ полное равенство; это поощрило Эдхемъ-пашу и Порту упорствовать въ своемъ сопротивленіи волѣ державъ и даже отвергнуть протоколъ, что и было подтверждено мнѣ во время переговоровъ въ Санъ-Стефано нѣсколькими турецкими сановниками.

Прим. авт.

„тельности, съ какою къ намъ отнеслись въ среднеазиатскихъ дѣлахъ. Мои доводы и все мною сказанное видимо произвелъ впечатлѣніе на лорда Дерби, признавшаго полную откровенность и лояльность моихъ словъ“.

„Онъ готовъ былъ даже признать справедливость большей части сдѣланныхъ мною замѣчаній, но ссылаясь на то, что английскому министру было бы невозможно оправдать передъ парламентомъ принятіе протокола, который обязывалъ турокъ разоружиться, если бы это не имѣло послѣдствіемъ немедленной демобилизаціи русской арміи. Чтобы отвѣтить что-нибудь на это возраженіе, я предложилъ ему, оговорившись, что это было мое личное мнѣніе, исключить изъ протокола то мѣсто, гдѣ говорилось о разоруженіи Турціи; при этомъ я замѣтилъ, что мы будемъ вынуждены уладить вопросъ о разоруженіи непосредственно съ самой Портой, съ глаза на глазъ, что, быть можетъ, покажется не совсѣмъ удобнымъ съ точки зрѣнія западныхъ державъ“.

„Къ сожалѣнію, робкій и нерѣшительный лордъ Дерби не могъ дѣйствовать твердо и энергично, какъ подсказывалъ ему его ясный умъ, и онъ подчинился вліянію министерскихъ бюро, проникнутыхъ руссофобскими тенденціями.“

„Довольно продолжительная бесѣда, которую я имѣлъ въ Гатфильдѣ, у маркиза Салисбюри, съ лордомъ Тендертономъ, вторымъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на дѣла, показала мнѣ какъ нельзя лучше, какія почти непреодолимые трудности приходилось побѣдить английскому министру съ характеромъ лорда Дерби, чтобы подписать протоколъ въ духѣ нашихъ идей. Надобно было только удивляться упорству, съ какимъ лордъ Тендертонъ настаивалъ на томъ, что Англія не можетъ подписать протокола до того, какъ мы обязуемся демобилизовать армію. Онъ настаивалъ на томъ, что великобританскій кабинетъ согласился, съ самаго начала, обсуждать этотъ актъ лишь при условіи: 1-е, что державы будутъ дѣйствовать согласно, 2-е, если этотъ дипломатическій актъ не потребуетъ немедленнаго принятія понудительныхъ мѣръ противъ турокъ и 3-е, если Россія согласится разоружиться. Напрасно старался я доказать моему собесѣднику, что эти вопросы не находятся ни въ какой зависимости между собой ¹⁾. Признавая всю силу моихъ доводовъ

¹⁾ Это недоразумѣніе показываетъ, что вопросъ съ самаго начала былъ поставленъ въ Лондонѣ неправильно, и что гр. Шуваловъ, выкнувъ издавна относиться почтительно къ мнѣнію англичанъ и ино-

„съ русской точки зрѣнія, лордъ Тендертонъ заявилъ, что въ „основѣ англійской политики отнюдь не лежатъ требованія простой „логики, а исключительно интересы Англiи и требованія парла- „ментарнаго строя. Желаніе оказать помощь христiанамъ также „не могло повліять на рѣшенія англійскаго кабинета. По его „словамъ, англійская политика столь же мало заботится о „пустомъ вопросѣ объ ея достоинствѣ, какъ и о дипломатиче- „скихъ успѣхахъ подобныхъ подписанію Лондонскаго прото- „кола“¹⁾.

„Почти то же самое, хотя въ нѣсколько болѣе приличной „и любезной формѣ, я услышалъ изъ устъ лорда Дерби, когда „я прiѣхалъ къ нему съ гр. Шуваловымъ, чтобы сообщить объ „измѣненіяхъ, сдѣланныхъ вашимъ сіятельствомъ въ предпола- „гаемомъ текстѣ протокола, присланномъ изъ Лондона. Заранѣе „предвидя большую часть этихъ поправокъ, я уже и самъ „пытался сдѣлать ихъ, но гр. Дерби уклонился отъ подробнаго „обсужденія редакціи протокола, отговариваясь тѣмъ, что на „засѣданіи совѣта министровъ, состоявшемся въ то утро, было „рѣшено, что соглашеніе о демобилизаціи должно *предшество-* „*вать* подписанію протокола“.

Это вызвало довольно оживленную бесѣду, въ которой при- нялъ горячее участіе гр. Шуваловъ; ему повидимому было очень досадно, что дѣло приняло оборотъ, который онъ старался скрыть какъ отъ императорскаго кабинета, такъ и отъ своего константинопольскаго коллеги, очевидно съ цѣлью облегчить соглашеніе съ англійскимъ министерствомъ. Я рѣшительно отка- зался отъ обсуждения вопроса о русской демобилизаціи и за- явилъ какъ гр. Дерби, такъ и гр. Шувалову, что я уѣзжаю въ Вѣну, такъ какъ при этихъ условіяхъ мнѣ нечего дѣлать въ Лондонѣ и что я никогда не подпишу протокола, измѣненнаго

странцевъ вообще, и совершенно не уважать мнѣній Россіи, не выска- залъ опредѣленно нашей точки зрѣнія и не поддерживалъ ее, точно также какъ онъ поступалъ во время переговоровъ о Хивѣ и въ періодъ, про- текшій между заключеніемъ Санъ-Стефанскаго мира и Берлинскимъ конгрессомъ.

Прим. авт.

¹⁾ Я попытался тронуть англійскихъ дипломатовъ тѣмъ, что достоин- ство державъ и въ особенности Англiи, по почину которой была созвана конференція, не позволяетъ примириться съ отказомъ Порты послѣ тор- жественнаго заявленія, сдѣланнаго на послѣднемъ засѣданіи конференціи, и что торійское министерство могло бы гордиться тѣмъ, что оно пере- несло центръ тяжести переговоровъ въ Лондонъ и завершило ихъ под- писаніемъ протокола.

Прим. авт.

столь страннымъ образомъ. Я вынесъ изъ этой бесѣды впечатлѣніе, что „протоколъ не будетъ подписанъ статсъ-секретаремъ, „если не будетъ найдена такая редакція, которая удовлетворила „бы до извѣстной степени требованія гр. Дерби относительно „демобилизаціи“. Сообщая объ этомъ канцлеру изъ Вѣны, я „присовокупилъ: „Вашъ отвѣтъ могъ бы быть переданъ по „телеграфу нашему посланнику въ Лондонъ, который сообщилъ „бы его министру иностранныхъ дѣлъ. Послѣдній, со своей „стороны, могъ бы дать обязательство предъявить это сообщеніе „палатамъ только тогда, когда демобилизація совершится въ „срокъ, назначенный нашимъ августѣйшимъ монархомъ, сооб- „разно съ его собственными видами“. Это была мысль гр. Шувалова, которая мнѣ не нравилась, но которую я передалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ канцлеру, исполняя просьбу гр. Шувалова, на которой онъ очень настаивалъ, захвативъ въ Claridge Hôtel во второмъ часу ночи проститься со мною передъ моимъ отъѣздомъ въ Парижъ; онъ просилъ меня остаться въ Лондонъ еще нѣсколько дней, чтобы помочь ему въ переговорахъ съ англійскими министрами.

Я былъ увѣренъ въ томъ, что было бы гораздо лучше познакомить англійское правительство нѣсколько раньше, — какъ это было рѣшено въ Петербургѣ, когда на меня возложили извѣстную миссію — съ нашимъ первоначальнымъ проектомъ, когда онъ еще не былъ искаженъ поправками, которыя были сдѣланы въ немъ, чтобы облегчить соглашеніе съ Англіей и категорически устранить съ самаго начала всякія пренія по вопросу о демобилизаціи, какъ это было въ Берлинѣ и въ Парижѣ. Сдѣланные нами шаги привели бы въ такомъ случаѣ къ болѣе удовлетворительному результату, и мысль о двухъ противорѣчивыхъ деклараціяхъ не могла бы возникнуть.

Бесѣдуя съ видными англійскими дѣятелями, съ которыми я встрѣчался въ Гатфильдѣ и въ Лондонѣ, всякій разъ какъ заходила рѣчь о Восточномъ вопросѣ и о протоколѣ, я говорилъ съ ними въ томъ же духѣ, какъ съ лордомъ Дерби и съ маркизомъ Салисбюри. Разумѣется, этотъ тонъ и эти аргументы не могли нравиться людямъ, стоящимъ у власти, которые предпочитали покладистый космополитизмъ Шувалова, тѣмъ болѣе, что онъ отнюдь не скрывалъ своего отвращенія къ Восточнымъ дѣламъ вообще и къ болгарамъ, сербамъ и черногорцамъ въ особенности. Гр. Шуваловъ хотѣлъ, чтобы я былъ одного мнѣнія съ нимъ, и былъ очень разсерженъ, читая мои

письма, коварно посланныя ему княземъ Горчаковымъ ¹⁾, которыя, невольно для ихъ автора, заключали косвенно самую жестокую критику его взглядовъ, его образа мыслей и его руководства нашими дѣлами въ Англии.

Гр. Шуваловъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы заставить меня быть солидарнымъ съ нимъ въ переговорахъ съ англійскими министрами, дабы исторгнуть у императора уступки, что дало бы ему возможность подписать международный актъ, и объявить себя впоследствии спасителемъ европейскаго мира, который „генералъ Игнатъевъ едва не погубилъ своимъ панславянскимъ усердіемъ“ и „отсутствіемъ европейскаго такта“. Для доказательства этого достаточно будетъ привести нижеслѣдующую телеграмму, посланную гр. Шуваловымъ канцлеру 6 марта, въ то время какъ я былъ въ Гатфильдѣ ²⁾, въ отвѣтъ на вопросъ канцлера, который колебался и хотѣлъ имѣть характеристику бывшаго русскаго посланника въ Константинополь:

„Мой коллега вернется изъ Гатфильда завтра утромъ; передамъ ему телеграмму, на которую онъ отвѣтитъ лично. Изъ нашихъ бесѣдъ заключаю, что онъ раздѣляетъ мое мнѣніе. (Шифровано). Вчера мы, втроемъ съ Дерби, вновь обсуждали протоколъ. Игнатъевъ возражалъ энергично только противъ перечисленія реформъ, ибо это уничтожило бы въ глазахъ турокъ обязательный характеръ другихъ обѣщаній, данныхъ ими на конференціи. Игнатъевъ видимо убѣжденъ, что здѣсь нельзя добиться ничего больше. (Конецъ шифра). Мой курьеръ будетъ у васъ въ субботу вечеромъ“ ³⁾.

Въ виду такихъ поступковъ моего коллеги, я рѣшилъ ничего не писать канцлеру изъ Англии. Впрочемъ, я не имѣлъ даже къ тому и физической возможности; мнѣ приходилось дѣлать и принимать множество визитовъ, а остальное время я проводилъ въ обществѣ супруговъ Салисбюри. Но, поставленный въ затруднительное положеніе безцеремонностью Шувалова и боясь, что кн. Горчаковъ съ восторгомъ пойметъ телеграмму посла

¹⁾ Начиная съ 1876 г. канцлеръ держался такой тактики: онъ возбуждалъ насъ съ гр. Шуваловымъ другъ противъ друга, поддерживая между нами соперничество, потому, что онъ считалъ насъ обоихъ кандидатами на свой постъ и старался насъ унижить. Точно также онъ дѣйствовалъ въ отношеніи гр. Киселева, бар. Брунова и бар. Будберга. Словомъ, онъ хотѣлъ устранить отъ дѣлъ и парализовать всѣхъ посланниковъ, имѣвшихъ опредѣленную фізіономію и отличающихся независимымъ характеромъ.

²⁾ Гр. Шуваловъ старательно избѣгалъ бывать въ Гатфильдѣ въ то время, какъ я жилъ тамъ, боясь скомпрометтировать себя въ глазахъ англичанъ или своихъ соотечественниковъ.

³⁾ Курьеръ, котораго онъ послалъ, такъ сказать, украдкой отъ своего коллеги, не ознакомивъ его съ посланными имъ донесеніями. *Прим. автора.*

буквально и не потрудится обсудить дѣло по существу, я послалъ ему слѣдующую телеграмму, какъ только узналъ о депешѣ, отправленной Шуваловымъ (т. е. черезъ день послѣ ея послыки): „8/20 марта, Лондонъ. Ознакомившись съ отвѣтомъ моего коллеги на Вашу телеграмму, (шифромъ) я считаю „необходимымъ, въ текстѣ протокола, „послѣ фразы: „реформы „въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи“, прибавить: „которыя „были намѣчены конференціей“, чтобы этимъ хоть *нѣсколько* „возстановить текстъ протокола и указать на его связь съ „конференціей“. Изъ моихъ бесѣдъ съ людьми разныхъ партій „вытекаетъ, что есть основаніе опасаться, какъ бы Англія „послѣ подписанія протокола не сочла всякое осложненіе „на Востокѣ результатомъ коварства съ нашей стороны. „Зная, что протоколъ нѣсколько не измѣнитъ положеніе дѣлъ „въ Турціи, я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, что нашъ отвѣтъ „*требуетъ зрѣлаго обсужденія*. Такъ какъ мы не допускаемъ „мысли о какихъ-либо формальныхъ обязательствахъ относи- „тельно демобилизаціи, въ особенности до тѣхъ поръ, пока не „будетъ обезпеченъ миръ съ Черногоріей и пока не будетъ „гарантирована безопасность христіанъ, пожалуй лучше было бы „совершенно исключить изъ протокола параграфъ, касающійся де- „мобилизаціи турецкой арміи. (Конецъ шифра). „Тѣду въ Вѣну, въ „четвергъ рассчитываю вернуться (въ Петербургъ) черезъ „недѣлю“.

Этой телеграммой я какъ бы опровергалъ, въ приличной формѣ, солидарность, которую гр. Шуваловъ старался установить въ глазахъ императорскаго кабинета между его взглядами и моими, и давалъ понять канцлеру, что протоколъ потерялъ всякое значеніе и могъ сдѣлаться для христіанъ опаснымъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ враговъ; не затрогивая его честолюбія и обидчивости, я какъ бы совѣтовалъ ему *зрѣло обдумать* вопросъ прежде, нежели согласиться на лондонскія предложенія, тѣмъ болѣе, что время терпѣло и, вернувшись черезъ недѣлю, я могъ бы изложить ему свои впечатлѣнія лично, т. е. набросать картину настроеній, господствующихъ при различныхъ дворахъ, которыя слѣдовало тщательно изучить прежде, нежели сдѣлать рѣшительный шагъ, который могъ насъ компрометтировать. Но это ни къ чему не повело. Канцлеръ принялъ предложенія гр. Шувалова до моего возвращенія, не дожидаясь объясненій, которыя я могъ ему представить.

Графъ Н. П. Игнатъевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).